

Александра Мурзич

Свет в Храме

Александра Мурзич

Свет в Храме

«Издательские решения»

Мурзич А.

Свет в Храме / А. Мурзич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966322-1

Таких разных людей, как Дар и Кенир, могла свести только Дорога. Один — весёлый и открытый, другой — одиночка, которому никто не нужен. Однажды услышанное предсказание мудрой жрицы заставляет Кенира отправиться на поиски «того, чего он не ищет». И именно Дар становится его проводником в пути. «Свет в Храме» — это повесть об искренней дружбе, о вопросах и ответах, а ещё о том, сколько километров надо прошагать, чтобы отыскать нечто очень близкое...

ISBN 978-5-44-966322-1

© Мурзич А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Проводник	6
Глава 2. Ключик	15
Глава 3. Магия Северного леса	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Свет в Храме

Александра Мурзич

© Александра Мурзич, 2020

ISBN 978-5-4496-6322-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Проводник

Трактир «Домашний очаг» полностью соответствовал своему названию: маленький, светлый, уютно-тесноватый, словно гостиная, в которой собралась многочисленная родня, съехавшись на праздник. Того и гляди заденешь кого-нибудь плечом или наступишь на ногу. Пока Кени-Арнен добрался до стойки, ему несколько раз пришлось извиниться за неловкость. Никто, однако, не сердился – привыкли.

– Чего путник желает с дороги? – радушно улыбнулся хозяин. – Пива, кваса? Может быть, вина? Вот чудесное южное вино.

Кени-Арнен покачал головой.

– Ну конечно же, я не предлагаю одних только напитков, – нимало не смутившись продолжал трактирщик. – К вину найдётся и отлично прожаренное мясо. Впрочем, если предпочтительнее с кровью, можем приготовить и так. Есть рыба, овощное рагу, пироги с разными начинками: с творогом, с ягодами, с капустой. И разумеется, томатный суп по моему личному рецепту. Осмелюсь признаться, такого больше нигде не готовят...

– Спасибо, я не голоден, – прервал его Кени-Арнен. – Мне другое нужно. Не подскажешь ли, где найти проводника по здешним местам? Желательно хорошего.

– Проводника-то? – мгновенно переключился хозяин. – Это можно. Только тут ведь смотря зачем. Если тебе, скажем, до соседнего города дорогу узнать надобно, так и без проводника справишься. Ты вон того господина спроси, который за столом сидит. Это Икмáр, купец из Керанáра. Он по нашим дорогам много поездил, почитай, до всякого города самый наикороткий путь подскажет. Повести, сам понимаешь, не поведёт, а подсказать подскажет. А вот ежели тебе далече, ежели истинного знатока надо, того, что все тропки, какие есть и каких нет, знает и найдёт...

– Именно такого.

– Вот я и говорю, – кивнул словоохотливый хозяин, – ежели тебе такой надобен, то ты ступай в гостиницу «Яблонеый цвет». Там спроси человека по имени Дар. Лучше него, пожалуй, и не найти. Да что там «пожалуй», не найти – и точка! Он в своём ремесле мастер.

– Ремесле? – удивился Кени-Арнен. Конечно, бывалые люди частенько соглашаются выступить в роли проводников, особенно за хорошую плату, но ремесло...

– Так народ же на месте не сидит, и свой, и чужой, круглый год кто-нибудь куда-нибудь да едет. А Феррайн недаром Страной Трёх Земель величают: леса здесь, да горы дальше за Керанаром – это столица, значит, – да болота к югу. А человек, он ведь к своей земле привыкает. Кто, скажем, среди рек да болот живёт, тому в лесу заблудиться – только обернуться, а горец – тот в болоте со второго шага на третий утопнет. А дороги наши ты и сам уж, поди, видел. Вот и водят, кто умеет. Кто по горам, кто по лесам. А Дар-то, про которого я толкую, он всюду водит. Про него говорят, что сердцем путь видит, во как! – трактирщик воздел вверх указательный палец, лицо его при этом светилось такой гордостью, будто этот самый Дар приходился ему отцом или дедом. Ведь если сказанное хотя бы вполовину правда, проводник должен быть старше самого Кени-Арнена, по меньшей мере, раза в три. Мастерство – оно с годами приходит.

Расспросив хозяина, где находится упомянутая гостиница, и выслушав целую историю про улицу, на которой она стояла, Кени-Арнен отправился на поиски. Они не заняли много времени. Вскоре он подошёл к дверям, над которыми красовалась вывеска «Яблонеый цвет». Нарисованные белые цветы, казалось, источали аромат, как живые, а солнце, пробивавшееся из-за густых ветвей, словно бы пригревало по-настоящему. Полюбовавшись работой художника, Кени-Арнен открыл дверь и вошёл внутрь.

На первом этаже, разумеется, обнаружился трактир. Уютный запах съестного долетал с кухни и даже сытого заставлял сглатывать слюнки. Несколько постояльцев гостиницы сидели

за столом, пили пиво из глиняных кружек и весело разговаривали. За другим столом у большого окна сидел парень примерно одних лет с Кени-Арненом и неторопливо поедая мясо с овощами. На звук открывшейся двери он поднял голову: кто там ещё заглянул на огонёк? Лицо у парня было приветливое, губы, казалось, готовы были в любой момент растянуться в широкой улыбке. Поскольку хозяина за стойкой не случилось, спросить про знаменитого проводника Кени-Арнен решил у него.

– Приятного аппетита, – пожелал он, подходя к столу.

– И тебе здравствуй, – дружелюбно отозвался постоялец гостиницы. – Садись.

– Мне говорили, что здесь человека одного найти можно, – сказал путник, опускаясь на скамью.

– Даже не одного, – улыбка всё-таки появилась на лице парня, открытая и весёлая. – А кого тебе надо?

– Дара.

Взгляд незнакомца стал цепким и внимательным, не потеряв при этом весёлости.

– Дара. И зачем он тебе?

– Мне нужен проводник. А он, как говорят, лучший.

– Люди много чего говорят, – загадочным голосом возразил парень. – Куда путь держишь?

– Куда путь держу – то моё дело, – отрезал Кени-Арнен. – Скажи, где Дар, если знаешь, а нет – так я у других спрошу.

– Вот ведь дронга пустынная¹, – ухмыльнулся малый. – Знаю я, где Дар. Здесь он, прямо перед тобой.

– Ты?

– Не ожидал? Я, по-твоему, в проводники годами не вышел? Во всяком разе в такие, как говорят.

– Н-ну, в общем, да, – обескуражено протянул Кени-Арнен. Он и впрямь не ожидал, что пресловутый Дар окажется ему ровесником. Когда же он успел все тропинки и в лесах, и в горах, и на болотах выучить за двадцать-то с хвостиком лет?

– А пришел ты из трактира «Домашний очаг», верно?

– Верно, – ещё больше растерялся путник.

– Не удивляйся, – засмеялся Дар. – Просто старик Гурен, тамошний хозяин, слишком меня любит. И когда после его рассказов люди видят меня во плоти, то лица у них бывают в точности, как сейчас у тебя. Его ведь послушать, так я просто чудо ходячее.

– Чудо не чудо, а старше я тебя представлял – это да. Раз в несколько.

– Не обессудь, – развёл руками Дар, – что имеем... Не доверишься если – так и скажи, в обиду не буду.

Просто он это сказал, весело. Глаза по-прежнему смеялись. Он вообще умеет *не* улыбаться хоть какой-нибудь частью лица?

А вот так свободно предоставить будущему нанимателю право усомниться в своих способностях может только истинный мастер. Тот, кому нечего доказывать и незачем.

– Сколько стоят твои услуги? – вместо ответа поинтересовался Кени-Арнен.

– Смотря куда тебе надо.

– Через Северный лес, в горы, до Змеева Хребта.

Дар даже присвистнул.

– Неблизкий путь. Тем более что Змеевым Хребтом он не кончится. Дальше-то куда?

– Никуда, – не слишком довольный отозвался Кени-Арнен.

– Что, так посреди гор и останешься? Там ведь даже селений нет, одни скалы и кедр.

---

¹ Пустынная дронга – колючий ядовитый кустарник; в Ферраине растёт в предгорьях Западных гор.

– А я слышал, живут там, неподалёку где-то, – Тёмные Силы, тебе-то что за дело, где я останусь? Ты проводник. Поведёшь – хорошо, не поведёшь – другого найду. Пожалуй, ещё лучше будет, если не поведёшь, а то с твоим любопытством в дороге намаешься.

– Не знаю, от кого ты это слышал, – продолжал меж тем Дар, – только «неподалёку» твоё в двух днях пути за Хребтом. Оно, конечно, не Северный лес из конца в конец шагами смерить, но без проводника заблудишься. Вот я и спрашиваю – дальше-то куда?

– Туда, – неохотно согласился Кени-Арнен. – В это самое «неподалёку».

Дар посмотрел на него с любопытством. То ли парень сам не знает, куда идёт, то ли...

– Может, ты просто назовёшь место, до которого добраться хочешь? А я уж сам решу, как тебя туда быстрее доставить. До гор и другие дороги есть. А Северный лес – ты вообще представляешь, что это такое?

Кени-Арнен наклонился через стол к собеседнику, уставившись в лучистые серые глаза тяжёлым взглядом. С таким в бой идти впору. Месть вершить.

– Если бы я представлял, что такое Северный лес, ты был бы мне не нужен. Я – путешественник. Нравится мне по свету бродить, понимаешь. И чем дольше, тем лучше. Я хочу дойти до Змеева Хребта. Именно тем путём, который назвал. Ты поведёшь меня или нет? О деньгах не волнуйся, заплачу, сколько положено.

– Успокойся, – не отводя взгляда, промолвил Дар. – Я поведу тебя.

Я поведу тебя, как скажешь. Через лес, так через лес. До Хребта, значит, до Хребта. В селение «неподалёку» – и туда тоже. Не из-за денег, хотя стоить такое путешествие будет прилично. Просто странный ты, парень. Не встречал я таких. А я люблю странности. Их разгадывать интересно. Ключики подбирать, как к старинным замкам.

Путешественник уселся обратно. Свинцовая тяжесть исчезла из его взгляда, глаза приобрели нормальное выражение. Обычные такие глаза. Светло-карие. Волосы почти чёрные, чуть выше плеч. Лицо загорелое, как у любого дорожного человека. Твёрдая линия подбородка, плотно сомкнутые губы. Сильный человек. Волевой.

– Когда мы можем отправляться? – спросил он. Будто это не от него зависит. Ты нанимаешь, ты и условия ставишь.

– Тебе решать, – пожал плечами Дар. – Прямо сейчас, конечно, не получится. В такую дорогу худо-бедно, а собраться нужно. Но много времени это не займёт. Сегодня можем и выйти.

– Завтра. Завтра с утра. Люблю в дорогу с утра отправляться.

– Я тоже, – усмехнулся проводник. – За день как раз путём и соберёмся. А на ночь советую остановиться в этой гостинице. Она, может, не самая изысканная в городе, зато уютная.

– Верю, – хмыкнул Кени-Арнен, приюхиваясь к запахам из кухни.

– Еда что. В «Домашнем очаге» не хуже кормят. А вот комнатки здесь... Спишь, как младенец, – Дар снова широко улыбнулся. – Слушай, а ты больше ничего не считаешь нужным мне сказать?

– Что, например?

– Ну, например, как тебя зовут.

Да. Он так не любил собственное имя, что называть его зачастую попросту забывал. Даже, когда это было необходимо. А сейчас оно было необходимо – должен же человек, с которым ты собираешься пройти не одну версту, знать, как к тебе обращаться. Остаётся надеяться, что он не станет делать это слишком часто.

– Кéни... Áрнен, – с расстановкой повторил Дар.

– Да, именно так, с двумя ударениями, – поморщившись, подтвердил путешественник.

– Кени-Арнен. Ты не обижайся, но у твоих родителей своеобразное чувство юмора.

У моих родителей, Тёмные Силы, просто сногшибательное чувство юмора! Но это не твоё дело.

– Ладно, – хлопнул ладонью по столу проводник. – Раз так, нечего рассиживаться. Ты, я понимаю, верхом?

– Конечно.

– Тогда пойдём, посмотрим твою коняшку.

Коняшку! Кени-Арнен фыркнул. Да видел бы ты моего жеребца! И вообще, любую хорсенскую лошадь именовать «коняшкой» – это, знаете ли...

Конь стоял привязанный во внешнем дворе гостиницы. Красавец вороной с отливающими синевой гривой и хвостом и с белой звёздочкой во лбу. Не совсем чистых кровей – так разве это беда? Зато быстрый, сильный и выносливый. При виде его Дар рассмеялся.

– Как бы нам их в дороге ненароком не перепутать. Мой конь ну точь-в-точь такой же.

Это ещё не значит, что их можно будет перепутать, злорадно подумал Кени-Арнен. Чтобы я Непокорного за кого-то другого принял? Это ты, видать, своего коня не любишь и не знаешь.

Дар тем временем, потрепав вороного по крутой шее, придирчиво осмотрел его со всех сторон.

– Это хорошо, что он у тебя не чистокровный скакун. Им в горах тяжело. Как его зовут?

– Непокорный.

– Оно и видно. Ишь, как косится. Что, скажи, лезут тут всякие чужаки, да? – усмехнулся проводник. – Ладно, ладно, не сердись, – примирительно похлопав вороного, Дар повернулся к его хозяину. – Добрый конь! А к седлу кое-что добавить надо.

– Что? – заинтересовался Кени-Арнен.

– Пойдём, покажу.

Дар направился к имевшейся при гостинице конюшне. Там из аккуратно сложенных сёдел он выбрал одно, на котором кроме стремян и подпруги болталось ещё несколько ремней.

– Вот. Это горное седло. Видишь, здесь нагрудник есть и шлея². Очень удобно, когда идти приходится то вверх, то вниз. Советую обзавестись такими штуками. На местном рынке рядом с конными рядами быстро найдёшь.

Кени-Арнен осмотрел дополнительное снаряжение и кивнул. В настоящих горах он ни разу не был, поэтому знающего человека склонен был послушать. Пусть даже этот знающий человек мимоходом назвал его Непокорного «коняшкой». Когда называл, он же его ещё не видел. Да и звучало оно, если по чести, не презрительно. Скорее, ласково.

Феррайн – удивительно разношёрстная страна. И где это можно узреть со всей полнотой, как не на рынке? Каждая из трёх провинций – Северная, Южная и Западная, – будь она отдельной страной, испытывала бы недостаток либо в хлебе, либо в тканях, либо ещё в чём-нибудь. Но объединённые в одно большое государство, они процветали. Здесь, на сейданском рынке продавали мёд и деревянную утварь с Севера, лён и пеньку с Юга, кедровое масло и шерстяные ткани с Запада; глиняную посуду разных цветов – изделия гончаров Севера, и Юга; топоры, плуги, иглы и прочий железный инструмент из кузниц горного Запада. Наступит осень, горцы привезут тонкое руно, а южане – пшеницу нового урожая. Зимой придет черёд пушнины из северных лесов. И это лишь поистине необходимое. А помимо того – сколько всякого добра разложили в лавках и на лотках купцы, зазывая честных покупателей! Пряники и баранки, кружева и вышивка, детские забавы, музыкальные инструменты, украшения. И не только свои купцы здесь торгуют, гостей полным-полно. С богатым государством отчего же дела не иметь? И местный торговый люд охотно ездит в сопредельные страны. Крепкие низкорослые лошадки западной горной породы, например, славятся далеко за пределами Феррайна своей неприхотливостью и выносливостью. Конечно, по скорости и стати с благородными скакунами из Хор-

---

² Автору известно, что зачастую к шлее лошадей приходится специально приучать, но такие тонкости опущены, дабы не усложнять сюжет.

сена им не равняться – так ведь и незачем. Вон они, хорсенцы, стоят в одном ряду с горными... м-да, коняшками, лучше и не скажешь. И притом со всем уважением. Выбирай, наездник. Для чего лошадь нужна – такую и бери. Тут рядом тебе и сбрую предложат, и седло. Опять же какое требуется.

Купив шлею и нагрудник из мягкой прочной кожи, Кени-Арнен отправился бродить по рынку в надежде отыскать ещё что-нибудь полезное в предстоящем путешествии или же просто любопытное. Пройдя ряды, где продавались мало его интересующие кружева, бисер, нитки для вышивания и прочие женские штучки, он наткнулся на лоток с книгами. Всевозможные «Описания», «Наставления» и «Толкования», безусловно, вещи ценные, и в другой момент Кени-Арнен наверняка бы задержался возле увесистых томов. Но куда ему сейчас книги? Поэтому он уже собрался пройти мимо, когда заметил на лотке карты. Тщательно прорисованные, отменного качества. Вот это интересно! А быть может, и полезно. Карты Кени-Арнен любил и вполне сносно в них разбирался. С достаточно подробной картой Феррайна он легко доберётся до Змеева Хребта и без проводника.

– Что тебе приглянулось, любезный? – голосу пожилого торговца лучше всего подходило определение «мудрый». Во всяком случае, в детстве Кени-Арнену казалось, что именно таким голосом разговаривают добрые старые волшебники.

– Среди этих карт есть Феррайн?

– Конечно. Вот.

Глянув на развёрнутую перед ним карту, Кени-Арнен возликовал. Леса, горы, реки, озёра, болота, города – всё было здесь. А главное – дороги. Они сходились и расходились, сплетались, разветвлялись, огибали какие-то неведомые преграды и вновь соединялись.

– Скажи, почтенный, – обратился Кени-Арнен к торговцу, – сюда нанесено большинство дорог Феррайна?

Сказочный волшебник очень по-сказочному улыбнулся, и от уголков его ясных синих глаз разбежались лукавые морщинки. «Я знал, что ты это спросишь, – говорила улыбка. – Все спрашивают». Вслух торговец не промолвил ни слова, просто указал на нижний правый край листа. Там стояло имя составителя и приписка: «Указаны лишь главные дороги».

М-да. Если только *главные* дороги делают карту похожей во-он на ту кружевную салфетку... Понятно, откуда в Феррайне люди, подобные Дару.

Дар... Никак без него не обойтись. В этих-то узорах заплутать можно, а ведь Кени-Арнену не от города до города добираться. И всё бы ничего, да только слишком этот Дар... молодой, что ли. Нет, мастерству проводника без сомнений можно доверять, но было бы гораздо легче, окажись он, к примеру, бывалым воином, сдержанным и молчаливым. Как раз с одним таким Кени-Арнен и пришел сюда, в Сейдэн. За три дня они разве что парой слов и перекинулись. С вёселым и любопытным ровесником так не выйдет. А жаль.

Карту Кени-Арнен всё-таки купил.

Вечером он, по совету Дара, вернулся в «Яблонеый цвет». И не пожалел. Одного взгляда на комнату, в которую его проводила хозяйская дочка, было достаточно, чтобы поверить – ничего лучшего он в этом городе не найдёт. Мягкая даже на вид подушка и чистая простынь с белоснежным подзором. Пёстрый домотканый половик. Занавески на окне, а за окном... Так вот откуда название гостиницы! Весь внутренний двор утопал в яблоневом цвете, как в снегу! Малейшее дуновение ветерка – и по саду проносилась метель из лепестков. По тёплому времени ставни были настежь распахнуты, и в комнату вместе с ночной прохладой вливался аромат цветов. Нежный, еле уловимый и оттого ещё более приятный. Кени-Арнен с наслаждением разделся и улёгся в постель, позволяя телу расслабиться, а мыслям растечься. Через несколько минут он уже сладко спал.

Поднялся Дар, по обыкновению, рано, однако, когда он появился в трактире, его наниматель был уже там. Сидел за столом и ждал завтрака. И при взгляде на него Дар понял ужасную вещь.

Он напроочь, совершенно, бесповоротно... забыл, как звать этого парня!

Замечательно! А ведь лица и имена он запоминает не хуже, чем дороги. Как же так? Вчера ведь несколько раз повторял, специально, чтобы не забыть! Ещё пошутил. О родителях с чувством юмора. Парень, кстати, шутки не оценил. Оно и понятно: Дар, тугодум, только после сообразил – имя хорсенское. Там у них сложные имена, видать, в порядке вещей.

Ладно, что делать-то с этим порядком вещей? Самое простое, конечно, переспросить. Вряд ли он обидится – такое враз не упомнишь. Такое... длинное... с двумя ударениями... Кени... Кени... ран... рен...

Твёрдо Дар уверился в одном – это имя *слишком* длинное, чтобы произносить его всякий раз, когда захочешь поговорить со спутником. Значит, в любом случае стоит укоротить. Главное, сделать вид, что всё так и должно быть.

– Доброе утро, Кенир! Ну, как тебе гостиница?

Кени-Арнен даже не сразу понял, что обращаются к нему. В Хорсене имена не сокращают. Не имея к этому привычки, Кени-Арнен долго однажды ломал голову, пытаясь как-то переименовать своё, да так и не придумал ничего, что бы ему понравилось. А с улыбающихся губ Дара короткое и звонкое «Кенир» спрыгнуло, как мячик. И почему-то сразу пришлось по душе. Странно, правда?

– Отличная гостиница. Я спал, как младенец.

– Я ж говорил. Один мой знакомый специально приезжает сюда каждую весну, когда яблони цветут. Знаешь, зачем? Стихи сочинять!

– И что, стоящие стихи получаются?

– Не очень. Но, вероятно, в другом месте получались бы ещё хуже!

Оба рассмеялись. Хорошо начинается день, подумал Кенир. Может быть, и путешествие в компании с этим парнем не окажется таким уж тягостным?

Когда они вывели во двор осёдланных лошадей, выяснилось, что накануне Дар не сильно преувеличивал, говоря об их схожести. Двоих вороных хорсенцев-полукровок не трудно было различить, пока они стояли рядом, но издали их так же легко было спутать. Одинаково густые гривы, одинаково гордый изгиб шеи, даже белоснежные звёздочки под чёлками – и те точь-в-точь.

– Мне его торговец лошадьми подарил, – сказал Дар, когда они уже ехали по улице. – За сынишку своего малолетнего. Тот от родителя сбежал и отправился себе разгуливать. Чуть в самую болотистую глушь не забрёл, дело на Юге было. А я его нашёл. Вот меня папаша и отблагодарил. Предлагал племенного скакуна, да я отказался.

– Потому что тебе в горы ездить приходится?

– Конечно. Рождённый для равнин, пусть там и скачет, а мы с Искристым всюду пройдем и на любые горы вскарабкаемся. Правда, коняшка? – Дар чуть наклонился в седле и потрепал жеребца по шее, тот весело фыркнул в ответ.

Покинув Сейдан, путники оправились на север, туда, где на многие вёрсты раскинулся дремучий и таинственный Северный лес.

Собственно, о том, что он дремучий и таинственный Кенир узнал уже от проводника, на карте лес был просто большим.

– Там совсем люди не живут?

– Почему не живут, есть там деревни. Но и таких мест, куда лучше не соваться, тоже много. Тамошние-то их наперечёт знают, а пришлым опасно далеко заходить в одиночку.

– И чего в них такого опасного? – недоверчиво поинтересовался Кенир. Он, разумеется, слышал про всякого рода «плохие» места, но редко относился к слухам серьёзно. Кому-то что-

то примерещилось, а теперь и поляну «колдовскую» десятой дорогой обходи, и воду из «прóклятого» колодца не пей! Ерунда.

– Во-первых, в лесу заблудиться легко. Особенно, если там не живёшь. К тому же в лесу дикие звери водятся. Много разных зверей. Медведи, волки... Приятная встреча для горожанина, правда?

Кенир попытался представить себя до мозга костей городским жителем. Да уж, поздороваться с мишкой ему, мягко говоря, не захотелось бы.

– Но тебя как путешественника, – Дар сделал едва заметное ударение на этом слове, – дикими медведями вряд ли напугаешь, поэтому для тебя есть «во-вторых». Так вот, во-вторых, кое-где там заблудиться особенно легко. И выбраться особенно трудно. Можно вообще не вернуться. Заманит тропинка, уведёт, и не заметишь, как окажешься...

– Где? – спросил Кенир, потому что проводник замолчал.

– Не знаю, – вздохнув, признался Дар. – Но в этом мире тебя уже не найдут. Никогда.

– Ты так говоришь, будто сам это видел.

– Видел, – по его лицу пробежала тень. – Мой отец так пропал.

Кенир открыл было рот, но ничего не сказал.

Отец... Своего отца – настоящего – он даже не знал. Да и не хотел знать, если на то пошло!

– Так что, когда доберёмся до Северного леса, от меня ни на шаг! – полушутливо приказал Дар, сглатывая воспоминания.

Дорога шла мимо деревень, больших и маленьких. Кенир с любопытством смотрел по сторонам. В Сейдан он приехал с юга. Там деревенские домики часто стоят на сваях, очевидно, чтобы во время разлива рек их не затопляло. Но даже те, которые построены прямо на земле, кажутся легкими и воздушными благодаря множеству окон с резными ставнями и прочим украшениям. Здесь, на Севере, всё было проще и строже. Крепкие бревенчатые дома, потемневшие от времени и непогод. Из всех украшений – затейливая фигурка на коньке крыши. Зато в таких жилищах наверняка теплее. Не стоит обманываться солнечным летом, природа Севера умеет быть суровой, это Кениру известно.

По дороге им встречались то крестьянин на телеге, то девчонка, тащившая на верёвке козу. Коза упиралась, маленькая хозяйка прикрикивала на неё и стегала прутиком. Кое-кто из встречных здоровался с Даром. После четвёртого такого приветствия Кенир не удержался.

– Да ты их, как я погляжу, через одного знаешь. Ты что, здешний?

– Почти. Мои родные места отсюда недалеко. А здесь я живу давно. Вернее, – проводник усмехнулся, – бываю. В перерывах между поездками. Сейдан хороший город для нашей братии. Стоит на пересечении дорог, рынок большой, купцов много, и своих, и заезжих. В общем, без работы не останешься. Я ещё мальчишкой был, когда мы в Торён переехали – это селение на излучине реки, как раз там ночевать будем. Мой отец тоже проводником был. Однажды он сопровождал одного человека до маленькой деревушки почти на самой границе Северного леса. Отсюда восточнее. Там молодой бродяга встретил девушку, которую полюбил с первого взгляда. И она его полюбила. Они поженились. В положенный срок у них родился непоседа-сын, то есть я. Когда мне сравнялось три года, мы в Торен и перебрались. Мама привыкла своим хозяйством жить, и отец города не любил, но работать надо. Раз уж такое ремесло выбрал – изволь вылезти из глуши на люди. А Торен всё-таки к Сейдану поближе.

Зачем, интересно, он это рассказывает? Ведь спутнику совершенно всё равно, где родился Дар, где жил, кем были его родители... Ведь он даже не слушает.

Но Кенир слушал. И удивлялся. Он сам нипочём не стал бы вот так запросто первому попавшемуся выкладывать историю своей жизни. Потому что не получится оно, как у Дара: «однажды», «полюбил с первого взгляда», «в положенный срок сынок родился», «когда сравнялось» – будто сказку рассказывает. Добрую такую. Про весёлого мальчишку, который живёт с мамой в уютном доме. Они с нетерпением ждут, когда отец и муж вернётся из очередной

поездки и наверняка привезёт подарки. Уж если не подарки, так дорожные истории точно. А если даже совсем ничего не привезёт – это неважно. Самое главное, что он вернулся. Кенир ясно представил добротный северный дом, опрятный двор, молодую женщину у ворот. Она заслоняется рукой от солнца и счастливо улыбается, а по улице, сверкая босыми пятками, несётся мальчуган и кричит во всё горло: «Папа! Папа приехал!».

Наверное, людям, прожившим всё детство в таких сказках, не приходит в голову их скрывать.

В Торен они въехали ранним вечером. Селение оказалось большим и оживлённым, в нём даже имелся постоялый двор. Кенир полагал, указав ему дорогу, Дар сразу отправится к матери. Но проводник принялся рассёдлывать и кормить коня. Кенир пожал плечами и занялся своей лошастью. Когда оба жеребца захрутели овсом, Дар повернулся к спутнику.

– Устраивайся. И если не трудно, попроси комнату для меня. Я вернусь до темноты.

– Зачем тебе возвращаться сюда? – не сдержал удивления Кенир. – Ты же домой приехал, разве нет? Так и отправляйся домой. Здесь не Северный лес, я не заблужусь. Утром встретимся.

Дар ничего не ответил, только слегка улыбнулся и ушёл.

Он шёл по улицам, которые знал с детства. Вот здесь после дождя всегда оставалась огромная лужа и не высыхала долго-долго. И вся окрестная ребятня пускала в ней кораблики из щепок.

Вот здесь на злющую жену сапожника напали однажды такие же злющие гуси. Чем уж она им не понравилась в тот день, неизвестно, но Дар отлично помнил, как весь Торен смеялся над пощипанной врединой ещё с неделю.

А вот здесь они с приятелями нашли молодого раненого пса. Он долго огрызался, не позволяя к себе притронуться. Видно, крепко ему досталось от людей. От кого? За что? Они так и не выяснили, хоть и спрашивали всех, живущих рядом. Когда наконец ласковые слова убедили несчастное животное в том, что ему желают добра, пёс сам подошёл к Дару и ткнулся лбом в его руку. Семилетние разумники взвыли от восторга: у Дара одного из пятерых мальчишек не было тогда собаки, и найдёныш сам об этом догадался и выбрал хозяином именно его! Ну разве не здорово!

Пса вылечили. Дар так и назвал его – Найдёнышем. Когда обида на людей и недоверие к ним окончательно сгладились, он оказался добрым и игривым существом, а повзрослев, стал отменным сторожем.

Таким отменным, что разбойникам в ту памятную ночь пришлось его убить...

Торенское кладбище располагалось в лесочке за селением. После ночного нападения тринадцать лет назад оно значительно разрослось. Возле могилы матери Дар сел, обняв себя за колени. В детстве он всегда садился так у её ног, и мама за вышивкой или вязанием рассказывала ему сказки. Добрые сказки, в которых всё всегда заканчивалось хорошо...

– Здравствуй, мама, – прошептал он.

Здравствуй. Вот я и пришёл снова. Прости, что редко здесь бываю, но ты ведь понимаешь... Часто ли отец дома бывал? Вот и теперь – неизвестно, когда бы ещё в Торен завернул, да дорога привела. Веду я, мама, парня одного в горы. Ни много ни мало – до Змеева Хребта. При этом зачем-то через Северный лес. Хотя куда быстрее и проще до Керанара доехать, а там уже в горы сворачивать. Быстрее, проще и безопаснее. Хотя Кенир явно не робкого десятка. Назвался путешественником. Меч за спиной возит. Лёгкий. У меня точно такой же в ножнах. И лет Кениру, – совсем как мне, – вряд ли больше двух десятков с довеском. Может, поэтому меня такое любопытство разобрало? Знаешь, мама, загадочный он какой-то. Путешественник... Да когда он мне про любовь свою к странствиям говорил, у него взгляд был такой, словно где-то здесь в Северном лесу его кровный враг для последней битвы ожидает. А к Змееву Хребту он голову отрубленную привезти хочет, на древний Алтарь возложить. И сам, похоже,

рядом лечь собирается, потому что куда дальше ехать, он попросту не знает. Нет, мама, что-то здесь не так. Хотя, знаешь, Кенир мне нравится. И кого-то напоминает, только вспомнить не могу – кого...

Когда румяное солнце почти скрылось за далёким лесом, Дар поднялся, окинул прощальным взглядом зелёный холмик.

До свидания, мама. Я ещё приду. Наверное, нескоро, но приду обязательно. Должен же будет кто-то вести этого загадочного парня обратно, даже если он сам пока об этом не думает. Я приду и расскажу, удалось ли мне подобрать к нему ключик. А сейчас мне пора. Почешу за ухом Найдёныша и скажи, что я его помню.

Тело отважного пса, который храбро сражался за людей, подаривших ему дом, тепло и ласку, не бросили на пепелище. Отец Дара положил его в одну домовину с женой, убитой разбойниками. Пусть и в ином мире славный Найдёныш охраняет её.

Глава 2. Ключик

Жрица Белой Богини пристально вглядывалась в таинственные знаки, начертанные на лежащих перед ней деревянных кружочках. Кени-Арнен только что собственноручно вытащил их из полотняной сумки и теперь сидел рядом и ждал, что ему скажут. Конечно, что-нибудь заумное, чего он ни понять, ни запомнить не сумеет. Предсказания всегда такие. Да полно, захочет ли вообще эта чужеземная Богиня помогать ему? Чем, в сущности, Боги от людей отличаются? Много ли их, желающих понять и помочь? То-то и оно.

– Иди в Страну Трёх Земель, – молвила жрица. – Иди на север, через лес, найди горную змею. Открой Храм ипусти в него свет. Тогда ты найдёшь то, чего не ищешь.

Ну вот, о чём и речь. Из всего сказанного Кени-Арнен понял только про Страну Трёх Земель. Так Феррайн называют, он слышал. А остальное... Какая змея горная, какой Храм? И для чего это ему находить то, чего он не ищет? Не ищет – стало быть, не надо, верно? И ведь жрица ничего не разъяснит, даже спрашивать бесполезно.

А может, не бесполезно? Вдруг всё-таки соизволит растолковать волю своей Богини?

Жрица соизволила. Вот только её слова Кенир помнил точнёхонько до той минуты, как проснулся...

Он открыл глаза и некоторое время созерцал потолок. Потом снова зажмурился и попытался вспомнить, что сказала жрица во сне. Потому что наяву он ни о чём её не спросил. Тогда, давно, шестнадцатилетний юнец Кени-Арнен просто усмехнулся, пожал плечами и отошёл. Он даже не собирался разгадывать тайну предсказания. И не разгадывал. Целых восемь лет. И только нынешней весной решился хотя бы съездить в Феррайн. Просто так. Из любопытства. Уже там он услышал и про Северный лес, и про Змеев Хребет; а услышав, не мог больше выбросить из головы предсказанное Белой Богиней. Ведь он уже давно понял, чего *не искал*.

Не искал и не станет! Но так хочется найти...

Поэтому он и здесь. Поэтому и ведёт его «на север, через лес, до горной змеи» улыбочивый парень по имени Дар. Правда, Храм так и остался загадкой. Если бы там селение какое стояло. Но ведь проводник сказал, что ближайшее – в двух днях пути. Даже если у горцев не принято жилища строить возле святынь, два дня всё равно многовато. И опять же, будь там место поклонения – Храм ли, Алтарь, или ещё что – Дар бы знал. А он говорит – скалы и кедры. Странно.

Тьфу, Тёмные Силы! Всё-то у этих Богов не по-простому, а с закавыкой. Вот даже толкование, услышанное во сне, вспоминаться не желает.

Кенир открыл глаза, сел и принялся потягиваться, разминая затёкшие мускулы. Вчера хозяин постоялого двора долго извинялся перед ним, говоря, что двух свободных комнат нет, но есть одна, рассчитанная «почти на двоих». Что значит «почти», Кенир выяснил быстро. Для двух кроватей места в комнате не доставало, поэтому на случай крайней необходимости к стене была приколочена лавка. Ширины как раз такой, чтобы удобно сидеть, но вот спать... Кенир посчитал, что будет нечестно занять кровать в отсутствие Дара. Вернувшись, тот предлагал поменяться, но Кенир отказался. А потом полночи проклинал невесть откуда взявшееся благородство.

Что и говорить, Дар выпался явно лучше него. Ишь, улыбается.

– Доброе утро, – сказал проводник, натягивая рубашку. И прибавил, лукаво сощурившись: – Если, конечно, для тебя оно доброе.

Кенир не ответил. Тело было деревянным, будто его связывали на ночь и теперь только сняли путы. Нет уж, если им ещё раз предложат комнату «почти на двоих», Кенир ляжет спать на кровати. Или в лесу у костра.

– Зря ты вчера меняться отказался, – подлил масла в огонь Дар. – Я-то знаю, что такое эти лавки, не первый раз здесь ночую.

– Теперь я тоже буду знать, – проворчал Кенир. – Неужели нельзя пристройку сделать, если комнат не хватает?

Дар засмеялся.

– Донельзя одинаковые мысли приходят в разумные головы! Можно, конечно. Прежний хозяин так бы и поступил. А вот сынок его – лентяй, затеваться со строительством не желает. И сквалыга к тому же, каждую монету считает. Дорого, говорит, постройка выйдет, неизвестно, окупится ли. Хотя ребёнку ясно, что окупится: Сейдан меньше, чем в дне пути, дорога оживлённая. Эх, проучить бы его, скупердяя, да ведь людям всё одно деваться некуда. Ежели у тебя здесь ни родни, ни друзей, куда пойдёшь?

Кенир бросил на спутника внимательный взгляд. Деваться, значит, некуда? Тебе-то как раз было, куда деваться. Что ж ты дома не остался? Но вслух он Дара ни о чём спрашивать не стал. Какое ему, в сущности, дело?

И то правда – какое ему дело, думал Дар за завтраком. Он ждал вопроса. Ведь если человек в родном селении ведёт себя, как приезжий – это, по меньшей мере, непонятно. Дар бы непременно спросил. Осторожно, с оглядкой, чтобы не обидеть невзначай, но спросил бы обязательно. А Кенир молчит.

Да чего ты, собственно, хочешь, проводник? Это ж только тебя всё и вся интересует. Хлебом не корми, дай полюбопытничать. Как мальчишка, честное слово! Вот не буду его ни о чём спрашивать. Не буду и всё! Какое мне дело?

– Кенир, ты ведь из Хорсена, верно?

– Верно, – помедлив, подтвердил Кенир. Разговаривать ему не хотелось. А уж на вопросы отвечать и подавно. Настроение с самого утра было не особенно солнечным, то ли из-за лавки, то ли из-за сна, напомнившего о разном... Когда же он услышал, как Дар перекидывается шуточками с парёнком из местных, настроение почему-то испортилось окончательно, и неизменно довольная физиономия проводника начала вызывать раздражение. Кенир понимал, что спутник ни в чём не виноват, поэтому отмалчивался, чтобы не ляпнуть сгоряча лишнего. Только попробуй тут отмолчись.

– А там откуда? – продолжал расспрашивать Дар.

– Из Бакра́м-Така́ра. На северо-востоке, – нехотя уточнил Кенир.

– Кажется, именно там разводят ваших знаменитых скакунов?

– Нет. Там разводят соколов. Для охоты.

– Ого! Я слышал про соколиную охоту. Наверное, трудно обучить такую птицу?

– Не знаю.

– А ты сам когда-нибудь так охотился?

– Нет, – Кенир стиснул зубы. Нет, он так не охотился. Хотя в семьях, где достаток позволял, мальчишкам дарили молодых соколов на одиннадцатый или двенадцатый день рождения. Но к нему это не относилось.

Торен уже давно остался за их спинами. Солнце медленно ползло к зениту, день обещал быть жарким. Копыта коней негромко стучали по утопанной дороге.

– Любопытно получается, – хохотнул Дар. – Вот купец. Он ездит, чтобы торговать. Воин-наёмник местечко потеплее ищет. Жрецы – о них и речи нет, те по каким-то им одним известным священным делам ездят. Ну или не очень священным. Одним словом – по делам. А путешественники? – он повернулся к спутнику. – Что их по свету гонит?

– Откуда мне знать! – раздражённо бросил Кенир.

– Но ты же сам путешественник. За всех, конечно, знать не можешь, но сам-то, когда в первый раз из дома уходил, о чём думал? О красотах неизвестных земель? О приключениях? Или всё-таки ваш брат в странствиях тоже свою корысть ищет?

Корысть, говоришь? Глаза Кенира недобро сузились, а на скулах заиграли желваки. О, да, я искал и ещё какую! Уйти по собственной воле, не дожидаясь, пока меня продадут, как скотину! И приключений я нашёл с лихвой, вот только не много-то о них думал. А думал я лишь о том, как бы не догнали! Я ведь много позже понял, что догонять меня никто не собирался. Зачем? Хотели избавиться и избавились, а как – не всё ли равно? Людям вообще всё равно... И тебе тоже! Так что, заткнись, проводник!

– Заткнись, проводник! Тебя это не касается!

Слова полыхнули такой злостью, что Дар опешил. Несколько мгновений он просто смотрел на Кенира. Кажется, с открытым ртом. Потом сжал коленями бока Искристого, заставляя его выдвинуться чуть вперёд. Туда, где обычно и полагается ехать проводнику.

Остаток дня они провели в молчании. Сперва Кенир мрачно этому радовался. Но постепенно бешенство утихло, и на душе становилось всё паршивее. Скверно вышло. Очень скверно. Если человек тебе не друг, не товарищ, если вас просто ненадолго свела дорога, даже если ты ему деньги платишь – это всё не даёт тебе права срывать на нём дурное настроение. Велика беда, спросил, о чём путешественник думает. Ты ведь, Кенир, сам ему таковым назвался, помнишь? Чего ж теперь злиться? Глупо. Глупо всё получилось. Одно успокаивает: весельчаки вроде Дара вряд ли умеют обижаться надолго.

Но Дар, оказалось, умел. И его самого это порядком озадачило. Ведь, по совести говоря, не обижаться ему надо, а прощения просить. Кто его за язык тянул? Поболтать хотел со спутником, угрюмость его утреннюю развеять, и не заметил, как ударил. Словом неосторожным. Вопросом неуместным. Крепко, надо полагать, ударил, если этакая оплеуха прилетела в ответ. И гляди-ка ты, сам виноват, а всё равно обидно. Скверно. И обида-то – ну совсем детская. Мол, я не знал, я не нарочно, я по-хорошему, а ты... Тьфу! Мальчишка! И вообще, кто-то, помнится, не собирался никаких вопросов Кениру задавать. Кто бы это мог быть? Молчишь, Дар? Вот и помолчи для разнообразия.

Дар открыл рот только вечером. И его слова предназначались не Кениру.

В маленькой деревушке, куда они добрались перед самым закатом, постоянные дворы и трактиры были без надобности. Единственная улица терялась в поле. За ним виднелся сосновый бор. Спать под соснами Кенир бы не отказался, но проводник уверенно направился ко второму с краю дому, спешил и постучал в ворота. На стук открыла женщина в возрасте, позволявшем именовать ее «матушкой». Именно так Дар к ней и обратился.

– Матушка Шенáй, вы не узнаете меня?

Женщина пристальнее взгляделась в его лицо в сгущающихся сумерках и просияла улыбкой:

– Дар! Наконец-то! Как я рада тебя видеть! – она привлекла его к себе и поцеловала, для чего Дару пришлось наклониться. – Где ты болтался столько времени? А ещё удивляешься, что не узнаю тебя! Совсем забыл меня, старуху! – по лукавым искоркам в глазах было ясно, Впрочем, что старухой она себя не считает.

– Матушка, ну какая же вы старуха! Да вы любую девчонку за пояс заткнёте!

– Ой, скажешь тоже, – махнула рукой Шенáй. – Подлиза!

От её ритуального ворчания веяло домашним теплом. И вся она была очень домашней и уютной, пропахшей сахарными булочками и молоком.

– Матушка Шенáй, я разгильдяй и бесстыдник, – с шутивым покаянием произнёс Дар. – Я два года к вам носа не казал. Обещаю исправиться при первом удобном случае! Хоть прямо сейчас! Вы же в качестве наказания не прогоните меня и моего спутника на ночь глядя в тёмный лес голодных и холодных?

– Да если ж я вас сейчас прогоню, ты ж ещё на два года пропадёшь! Я тебя знаю, обормота! – погрозила хозяйка. – Никуда вы не пойдёте. Вот вам двор, вот вам дом. Привяжите лошадей – и марш за стол!

– Спасибо, матушка, – улыбнулся Дар и повёл жеребца во двор. Кенир последовал за ним.

Двор был просторным и чистым. Возле ворот лежал старый лохматый пёс, на вошедших он едва обратил внимание. В хлеву протяжно замычала корова. Из дома вышла рыжая кошка, уселась на крылечке и начала мыть лапкой мордочку. Через раскрытую дверь было видно, как матушка Шенай собирает на стол.

Кенир смотрел вокруг, и чем больше он смотрел, тем больше чувствовал себя лишним. Словно его появление принесло в этот маленький мирок что-то чужое, колючее, как заноза.

Его появление или *их* появление? Но ведь Дар здесь свой. И тем не менее...

Когда Дар потрепал по шее Искристого и всё так же молча направился к дому, Кенир понял. Не они были здесь занозой, а их взаимная обида. В доме, где полы застелены цветными половиками, на столе стоят наваристые щи прямо из печи, и кошка умывается, сидя на крылечке, – в таком доме не место обидам и ссорам. И если они сейчас попытаются войти, дом их просто не пустит. Воздвигнет на пороге невидимую стену – бейтесь лбами, покуда не поумнеете.

– Дар, – негромко позвал он.

– Что? – с готовностью отозвался проводник. Кенир подошёл.

– Дар, ты извини меня. Я не должен был срывать. Просто настроение было поганое... И всё равно не должен был!

Дар покачал головой:

– Это ты меня извини. Не знаю, каким вопросом я тебя обидел, но у меня часто язык быстрее головы оказывается. Ты меня осаживай в случае чего. Только, – он улыбнулся, – если можно, не так, как сегодня.

– Хорошо, – улыбнулся в ответ Кенир. Дар хлопнул его по плечу:

– Пойдём. Есть охота.

Поварские таланты матушки Шенай были достойны любой похвалы. Отсутствием аппетита парни на страдали, но тому количеству съестного, которое пыталась им скормить гостеприимная хозяйка, позавидовал бы великан. После миски щей, такой же миски каши и трёх сахарных булочек с молоком Кенир запросил пощады:

– Всё! В меня больше не влезет ни кусочка!

– Кушай, кушай, – проворковала Шенай. – Вам же, поди, далеко ещё. А с собой много ли припаса возьмёшь? Куда едете-то?

– В горы, – неопределённо ответил Дар.

– Вот-вот, – назидательно кивнула хозяйка. – Это ж какая дорога! Так что кушайте впрок.

– Удивительное дело, – блаженно поглаживая себя по животу, проговорил Дар. – Живёт матушка Шенай одна, а как к ней ни приедешь, накормит до отвала, словно еды на армейский отряд приготовлено. Вы мне растолкуйте, как так получается?

– Да как-то... само собой, – улыбнулась Шенай почти застенчиво. Нежданные гости были ей в радость. Дар, которого она без малого два года не видела. И приятель его. У ворот стоял хмурый, молчаливый, а сейчас – ишь глаза прижмурил, ну точно котёнок. Облизнётся и замурлычет. Отогрелся, сердешный!

– Вот только где я вас двоих спать-то положу, – всплеснула она руками.

– Да хоть бы на полу, – пожал плечами Кенир.

– Зачем на полу, – возразил Дар. – Я здесь получше место знаю.

– Бродяга ты мой! – опять запричитала Шенай. – Лесовик! Всё-то тебе в доме не сидится и не ложится! Одеяла хоть возьмите. Небо видели какое? Ночь холодная будет.

– Мне не привыкать, Кениру тоже, – усмехнулся Дар. – В сено закопаться можно. Но оде-
яла мы возьмём. Спал когда-нибудь на сеновале? – повернулся он к спутнику.

– Приходилось.

– Вот и отлично.

По правде говоря, запах сена вызывал у Кенира не самые радужные воспоминания. Да, ему приходилось спать на сеновалах. Когда подростком он нанимался в работники к владель-
цам богатых подворий. Но разве же оно так было? Разве кормили его так вкусно? Разве смот-
рели на него так ласково, как матушка Шенай? Разве лежал с ним кто-нибудь рядом, бок о бок?

Дар повозился, закапываясь поглубже.

– М-м, хорошо как! До чего же люблю на сене спать!

– Дар, а матушка Шенай тебе кто?

– Родственница. Не то троюродная тётушка, не то бабушка. Далёкая, в общем. Своих
детей у неё нет, так она меня за сына считает. А я, негодник, дорогу к ней забыл.

Кенир вздохнул. Что бы там ни было в Торене, по крайней мере, здесь Дара любят и ждут.
А его? Нет, лучше спать и ни о чём не думать.

Дар тоже закрыл глаза, но уснуть не мог долго. Снова и снова слышал он злое и резкое:
«Заткнись, проводник!». И тут же – «Извини... я не должен был». Снова и снова видел в глазах
Кенира ненависть, вызванную его вопросами, и радость после их примирения. И то, и другое
искреннее, настоящее. Было дело, попался Дару молодчик, который любил обижаться напоказ.
Вот, мол, какие мы нежные, слова-то нам не скажи! Дар тогда хоть немногим его старше был,
а вразумил быстро. Парой затрещин. Негоже здоровому лбу девицу из себя корчить. А вот
Кенир не корчит. И поганое настроение ни при чём, чего бы он там ни говорил. Здесь другое.
Но – что?

Во многих сказках, слышанных Даром в детстве, герою в качестве последнего испытания
нужно было отыскать ключик и открыть старинный замок. За дверью его ждала принцесса.
Или богатство. Или похищенные и спрятанные в заколдованном доме сестра или брат. Кенир –
ни дать ни взять замок из сказки, и ключик-то не враз подберёшь. Да и нужно ли? Что ждёт
Дара за дверью, если он её откроет? И зачем её, вообще, открывать? Никакой награды для него
там не припасено, это точно. Дар мысленно обругал себя. Сдался ему Кенир! Колючка, дронга
пустынная! Как вести-то себя с ним не знаешь. На какое слово в ответ шипы выставит? Тьфу!

Кого же он всё-таки Дару напоминает?

Проснувшись утром, Кенир не обнаружил Дара рядом. Он смутно припомнил, что
вроде бы слышал сквозь сон, как проводник встал и ушёл куда-то ни свет ни заря. Навер-
ное, помочь матушке Шенай управиться с хозяйством. Кенир повалялся в пахучем сене ещё
некоторое время, потом поднялся и направился в дом, по пути вытряхивая травинки из волос
и рубашки.

Хозяйка и Дар сидели за столом и о чём-то вполголоса разговаривали. Дар был раздет
по пояс, с русых волос капала вода.

– Тебе тоже советую искупаться, – заметил он, перехватив взгляд Кенира. – Потом такой
возможности долго не представится.

– Иди-иди, – кивнула Шенай. – За двором тропинка, она прямо к речке ведёт. Пока
искупаешься, у меня как раз завтрак поспеет.

Кенир последовал совету. Он любил воду и отлично плавал. Речка была узкой, он раза
четыре перемахнул её от берега до берега, пару раз нырнул и вернулся в дом весьма довольный
жизнью.

После завтрака, не уступавшего объёмом ужину, спутники принялись собираться
в дорогу. Матушка Шенай собственноручно набила их перемётные сумки провизией. Дар

шутил, говоря, что этого хватило бы не только им двоим, но и Искристому с Непокорным, если бы только лошади ели человеческую пищу.

– Мал ещё перечить! – строго оборвала его Шенай. Перечить ей, впрочем, никто не соби-
рался.

На прощание хозяйка расцеловала обоих, взяв с Дара обещание навестить её на обратном пути. Потом она долго стояла у ворот и смотрела им вслед. Обернувшись в последний раз, Кенир подумал, что отныне запах сена будет напоминать ему уютный дом матушки Шенай.

Свой меч Дар, как и Кенир, возил за спиной. Когда, миновав поле, они оказались в сос-
новом бору, Дар снял его, положил поперёк седла и принялся развязывать ремешок, стягива-
ющий рукоять.

– Мы уже в Северном лесу? – спросил Кенир, проследив за его действиями.

– Ещё не совсем. Но до ближайшего жилья, не считая той деревни, откуда уехали, уже
далеко.

– Ясно, – коротко ответил Кенир, снял перевязь и тоже распустил ремешок. Ещё за зав-
траком он приметил на загорелой груди Дара тонкую белую полоску шрама. Старого. А лет-то
проводнику... Ремесло это, надо понимать, не из самых безопасных.

Прохладное утро обернулось ветреным днём. Высокие сосны раскачивались над голо-
вами путников. К полудню стало холодно настолько, что пришлось достать из сумок куртки.
Свою Кенир покупал ещё в Хорсене. Она надевалась через голову и не застёгивалась, а завяз-
ывалась, при этом шнуровка оказывалась почти сбоку.

– Наверное, не очень удобно? – предположил Дар. Кенир похлопал себя по груди:

– Зато не продувает. В Хорсене знаешь какие ветра.

Куртка Дара ничем особенным не отличалась. Обычная куртка, разве что карманов
много, на охотничий манер. А вот затейливая вышивка слева на груди привлекла внимание
Кенира. Извивающаяся лента дороги терялась в густом лесу, справа от неё поднимались горные
пики, слева текла река, и склонялся под ветром камыш. На синем небосводе застыли рядом
солнце и луна. А над ними сверкал остро отточенный кинжал. Мастерство вышивальщицы
было достойно восхищения. И вряд ли столь своеобразный пейзаж появился на куртке про-
водника просто ради украшения.

– Это что-то означает? – поинтересовался Кенир.

– Это знак гильдии.

– Гильдия проводников? Да, Феррайн любопытная страна.

– А как ты думал? Если уж это занятие признали ремеслом, надо им как-то управлять,
надзирать. Представь, что сапожников стало больше, чем людям требуется сапог. Что тогда
будет?

– Добрая часть из них останется не у дел, – понимающе кивнул Кенир. – Как и провод-
ников, если их станет слишком много.

– Да. Только людей, которым нужны сапоги, всё-таки больше, чем людей, которым нужно
попасть в горы обязательно через Северный лес, – ввернул Дар. – Поэтому глава гильдии стро-
жайше следит за числом тех, кто носит такой знак. Новый проводник может появиться только
взамен отошедшего от дел. Или погибшего. Чаще всего сын сменяет отца, племянник – дядю.
В общем, дорога – это наследственное!

– Судя по тому, как отзывался о тебе тот трактирщик из «Домашнего очага», ваше
ремесло уважают.

– Как и любое другое. Если ты обратишься к первому встречному с просьбой проводить
тебя до нужного места, то даже зная дорогу, он тебя не поведёт, а отправит к одному из гильдии.

– Чтобы не отнимать чужой хлеб. Справедливо. Хотя, когда я искал дорогу на Север, мне
не сказали ни о какой гильдии проводников.

– С кем же ты пришёл в Сейдан?

– Он назвался Диэром. Я спросил его, как добраться до Северного леса, он ответил, что сам доведёт меня до Сейдана, а там уж, мол, другого ищи... Слушай, может, мне просто повезло, и он оказался одним из вас?

– Он выше меня примерно на полголовы, носит налобную повязку, а на правой щеке у него шрам? – описал Дар.

– Да. А ещё меч на поясе. Потяжелее наших с тобой обоих.

– Тебе повезло, ты в самом деле наткнулся на одного из проводников. Диэр бывший воин. В гильдию он пришёл вместо дяди много лет назад, но что его заставило сменить занятие, никто до сих пор не знает. Он не особенно разговорчив, как ты, наверное, заметил.

Заметил – и до чего же это было удобно! Впрочем, сожалеть о молодости и словоохотливости Дара сейчас вовсе не хотелось.

– Ты так и не сказал, что означает твой знак, – напомнил Кенир. – Есть у этих рисунков какое-нибудь толкование?

– Есть, разумеется. Дорога... ну это понятно. Куда она уходит – это те места, которые проводник знает лучше всего, обычно это его родина. Я родом с Севера, поэтому у меня там лес. Солнце означает день. Это обязательные части знака, они есть у всех. Эти и ещё самый верхний. У меня кинжал, а бывает меч или посох.

– И какая между ними разница?

– Меч означает, что проводник хорошо владеет воинским искусством и сможет защитить. Сейчас из всей гильдии меч на знаках носят два человека. Один из них Диэр, второй – его младший брат.

– А кинжал?

– Проводник неплохо дерётся и сможет помочь защититься, – весело оскалился Дар; над собой он умел шутить не хуже, чем над другими. – А тот, у кого на знаке посох, вообще не боец. Но от всяких дурных мест, вроде тех, о которых я рассказывал, он своего спутника убережёт.

– Хорошо, а остальное? Хотя подожди, я сам догадаюсь. Справа и слева – это те места, которые ты знаешь помимо родины, верно?

– Верно, – немного смутившись, подтвердил Дар. Хвастать он не умел и не любил.

– А вот луна... Если солнце – это день, то луна – это ночь... Мол, ты и ночью не собьёшься с дороги, так что ли?

– Так. Если надо, я могу вести и ночью. Это многие могут.

– Кому понадобится бродить по ночам?

– По-разному бывает. Случилось что-то, время потеряли, а дело срочное – вот и навёрстывай.

– Ты и правда чудо ходячее! – восхитился Кенир. – Когда только успел всему научиться?

– Я с десяти лет ездил с отцом и другими проводниками. Было время.

День прошёл – не в пример предыдущему – за непринуждённой беседой. Кенир услышал такое количество легенд и баек, что не запомнил и половины. Сам он рассказывал главным образом анекдоты, большинство из которых Дар, как выяснилось, знал, но всё равно хохотал, до ужаса заразительно.

Вечером они нашли удобное место для лагеря, развели костёр и заготовили дров с изрядным запасом на ночь, поскольку погода улучшаться не торопилась. Потом сели к огню и принялись уплетать пирожки матушки Шенай.

– А ловко ты управился с моим злосчастным имечком, – усмехнулся Кенир, когда Дар в очередной раз зачем-то окликнул его.

– Да что тут такого? – пожал плечами Дар. – Так ведь удобнее. Короче.

– В том-то и дело, что короче. В тех краях, откуда я родом, имена сокращать не принято. У меня даже воображения на это не хватает. Разве только отбросить конец либо начало. Но что «Кени», что «Арнен» – звучит как-то... – он поморщился. – Нет, «Кенир» куда лучше.

По мнению Дара, имя «Арнен» звучало вполне прилично, даже красиво. Но его обладателю, конечно, виднее. Дар и сам лет в четырнадцать перестал называться полным именем, считая его «девчоночьим».

– У вас там все имена двойные? – полюбопытствовал он.

– Большинство. Обычай такой, древний. Кошмарный, по-моему.

– Что за обычай? В смысле – откуда он?

– В древности считалось, что, давая ребёнку имя, родители тем самым определяли его судьбу и характер. Не просто влияли, заметь, – определяли! Не помню точно, какая часть имени к чему относилась, но набор этих составных частей был строго ограничен, и все его знали. Назвать ребёнка каким-либо другим именем, заимствованным или придуманным, было попросту недопустимо.

– И что же? – изумился Дар. – Все так и жили? По своим именам? И ни разу ошибок не случилось? Ну когда дитё вырастало и характером под имя не подходило?

– Я же говорю – кошмарный обычай, – согласно кивнул Кенир. – Наверняка случались. Понятия не имею, как их объясняли. Сейчас, конечно, всё не так. И имена добавились, и значения доброй половины никто уже не помнит. Но сокращать всё равно не принято. Вроде как ты у человека что-то отнимаешь, частичку его самого.

– А я у тебя, часом, ничего не отнял? – усмехнулся Дар.

Кенир посмотрел на него так, будто он заявил, что хлеб растёт на деревьях.

– Ну если трёхлепестковая вельветка вправду счастье приносит – тогда, конечно.

– У нас ищут белый марис, – рассмеялся проводник. В любом краю, у любого народа обязательно найдётся такое поверье. Про необычный цветок, который счастье приносит.

– Белого мариса не бывает, – возразил Кенир.

– Бывает, только очень редко. А про трёхлепестковую вельветку я вообще не слышал.

– Попадается иногда. Так же как и счастье.

Последнюю фразу Кенир произнёс с беззаботной усмешкой, но в глубине его глаз вспыхнул чёрный огонь тоски. Дар был уверен, что это ему не показалось.

– Почему... – начал он, и замолчал, не договорив. После его вопроса разговор едва ли хорошо закончится. К тому же лицо Кенира снова приняло прежнее благодушное выражение, и напоминать ему о плохом Дар уж никак не желал.

Кенир тоже не желал вспоминать. О том, что его, в отличие от Дара, нигде не ждут. Не ждут настолько давно, что даже нынешнее путешествие – это просто попытка обмануть самого себя. Он не верит – ну или почти не верит – что, открыв двери таинственного Храма на Змеевом Хребте, найдёт то, чего не искал. Ведь для этого должно случиться чудо, а чудес не бывает.

И счастье – это тоже чудо. Со всеми последующими выводами. Хорошо, что Дар не стал ни о чём спрашивать. Какое ему дело? Никакого, верно?

Проводник рассеяно бросал тонкие веточки в костёр. И глаза его улыбались меньше обычного.

– Давай спать, – зевая и потягиваясь, сказал Кенир. – Ночь уже. А за имя всё-таки спасибо.

Задорные искорки вернулись во взгляд Дара.

– Знаешь, я ведь ничего не собирался с твоим именем делать. Я просто... – он виновато улыбнулся, – собрал то, что смог вспомнить утром.

От этого бесхитростного признания стало почему-то легко и хорошо.

– Хорсенские имена часто забывают с непривычки, – утешил Кенир. – Я бы и сам забыл, впервые такое услышав. Но ещё никому не приходило в голову наделить меня новым именем вместо позабытого. Ты первый.

Последний раз с такой искренностью он говорил... Да. Вчера вечером. Во дворе у матушки Шенай.

Положив приготовленные дрова так, чтобы они были под рукой, спутники улеглись возле костра. По тёмному небу плыли тучи. Изредка в рваных дырах между ними сверкали звёзды, и показывалась луна. Дар смотрел в небо и вспоминал свой незаданный вопрос. Почему счастье должно быть редким? Разве вот так лежать у костра и считать звёзды – это не счастье? Разве заседлать коня и отправиться в путь – это не счастье? Конечно, Дар предпочёл бы приезжать в Торен не на могилу матери, а в стены родного дома. И занять место отца в гильдии хотел бы не в пятнадцать лет, а несколько позже. И дорожные вёрсты мерить плечом к плечу не с теми, кто его нанимает, и не с приятелями, которых у него полным-полно, а с другом. Верным, единственным, чтоб навсегда...

Нет его, такого друга. И отца нет, и матери. Даже Найдёныша.

Зато есть лес, горы и реки, солнце и ветер, снег и дождь – разве это не счастье? Почему же ты, Кенир, делаешь его невозможным? Ведь тебе хочется, чтобы оно было. До чёрной тоски в глазах. Но какое же счастье до тебя доберётся, если ты никого близко не подпускаешь! На шагжок лишний подойти не даёшь, сразу рычать начинаешь.

Обидели тебя, видать, и крепко. Кто-то... когда-то... Обидели и бросили.

Дар тихонько засмеялся. Он понял, наконец, кого напоминает ему Кенир. И как себя с ним вести, тоже понял.

Кажется, добрые Боги полагают, что у него это неплохо получается.

Глава 3. Магия Северного леса

Плотные серые тучи скрывали солнце ещё два дня. Дар совсем было приготовился к затяжному дождю. Они ведь такие. Пока от деревни до деревни идёшь – хоть бы брызнул, а как под открытым небом ночевать – тут-то и польёт. Но утром третьего дня их разбудило яркое солнце, поднимавшееся из-за деревьев. Тучи рассеялись, превратились в лёгкие облака. Ветер, снова ставший тёплым, гладил лица, взъерошивал волосы и гривы коней.

Путники достигли Северного леса. Поначалу в нём ещё встречались прозрачные, до звона хрустальные березняки и наполненные неумолчным шёпотом осинники. Но чем дальше, тем меньше попадалось лиственных деревьев. Сосны и ели, пихты и кедры – огромные, могучие, они стояли неподвижно, не обращая никакого внимания на ласковый ветерок. Понадобится ураган, чтобы заставить их шевельнуться.

Лес не выглядел мрачным. Но и тёплой медово-рыжей радости соснового бора в нём тоже не было. Суровой мощью и древней мудростью веяло от этих мест.

– Мне кажется, Северный лес был всегда, – тихо промолвил Дар. Кенир молчал. Он вообще последние дня полтора говорил мало, больше глазел по сторонам. В Хорсене леса росли яркие, светлые, шелестящие листвой. Такого величия, такой несокрушимой силы и таинственной тишины Кенир никогда не видел, не слышал и не чувствовал.

– Кажется, этот лес может сделать с человеком всё, что пожелает, – произнёс он, отвечая скорее собственным мыслям, чем Дару.

– Он может, – кивнул проводник. – В нём столько колдовства, что на целую армию магов хватило бы. Вот только оно им не по зубам.

– Почему?

– А ты подумай.

– Слишком сложное?

– Слишком древнее. Северный лес старше всех нынешних магов вместе взятых, старше Феррайна, старше даже тех народов, которые жили здесь прежде и остались только в легендах. И колдовство здешнее – исконное, изначальное, схожее с тем, которое породило весь мир. Оно здесь всюду. Но его нельзя взять, им нельзя овладеть, его нельзя победить. С ним можно только научиться жить в добром соседстве.

– Ты что, ещё и маг? – ошарашено спросил Кенир.

– С чего ты взял?

– Чтобы так говорить, нужно... не знаю, самому это чувствовать, что ли.

– Магом был тот, кто мне это рассказывал, пока я вёл его через Северный лес. Он сумел сделать так, чтобы я почувствовал. Наверное, только маг и решился бы нанять меня тогда в такую поездку.

– Почему?

– Мне было шестнадцать лет, и я впервые отправился сюда в одиночку, до того ездил только с опытными проводниками как ученик.

– Ты сказал ему об этом?

– Разумеется. Думал, он сразу откажется, но нет. Ещё и заплатил с лихвой. Как у меня поджилки тряслись! – улыбнулся Дар своим воспоминаниям. – Только из-за этого я два раза чуть с пути не сбился.

Кенир хмыкнул. Для него здесь вообще *пути* не было. Они ехали по еле приметным тропинкам, которые то и дело терялись в траве и мхах. Но Дар направлял Искристого так уверенно, словно у того под копытами пролегал широкий тракт.

– Мне тот маг много чего порассказал. Про Северный лес и вообще про Феррайна. Про Войну Магов.

– Это ещё что такое? – удивился Кенир.

– Легенда. Из тех, где правда с вымыслом сплелись настолько, что ни головы, ни хвоста не найдёшь.

– Расскажи.

– В древние времена, – начал Дар голосом сказителя, – на землях нынешнего Феррайна жили два племени. Очень сильные, очень гордые. Немудрено, что между ними часто вспыхивали войны. Победа попеременно доставалась то одним, то другим, но каждый раз перевес был невелик. Равные силы противостояли друг другу. И вот однажды вождь одного из племён позвал на помощь мага, чтобы тот расставлял на пути у неприятеля всевозможные ловушки, насылал на воинов болезни и проклятия, словом, – усмехнулся Дар, переходя на нормальный тон, – чтобы устраивал противнику гадости по своему разумению. Вождь не знал, что его сосед тоже раздобыл себе мага, для тех же, соответственно, целей. И оба они не знали, какую совершили ошибку! Маги оказались ну очень падки до гадостей! Так что армия в войне почти не участвовала. Потому и назвали её Войной Магов.

– Чем же эта война закончилась? – спросил Кенир, уже предчувствуя ответ. «Падкие до гадостей маги» звучало устрашающе.

– Для армий – почти полным уничтожением, – ответил Дар. – Для вождей – бессмысленными попытками укунить за локти себя и за горло друг друга. А для простого народа – переселением.

– Зачем?

– Затем, что жить невозможно стало. Шагу нельзя было ступить, чтобы не угодить в одну из магических ловушек. Ты карту Феррайна видел когда-нибудь?

– Видел. Я её даже купил. Плетение кружевное!

– Вот-вот. Думаешь почему дороги так проложены? Чтобы огибать заколдованные поляны, проклятые озёра, заговорённые камни и прочую дрянь. Считается, что всё это осталось со времён Войны Магов. Сейчас-то полным-полно, а было ещё больше. Только Северного леса военное чародейство совсем не коснулось.

– А как же тропинки, с которых не вернёшься?

– Это не человеческое колдовство, а часть того самого, изначального. Древнейшая магия и защитила тогда лес.

– Стало быть, оно не только опасное, – заключил Кенир.

– Конечно, нет! Оно... разное... и никакое... Словом, оно просто есть, какое есть! – да уж, возможно Дара научили это чувствовать, но не объяснять.

Кенир, однако, понял. Хотя не смог бы выразить словами, что именно он понял.

На ночлег путники расположились под раскидистыми лапами двух исполинских елей. Мохнатые ветви сплетались, образуя навес, достаточно высоко, чтобы костёр их не подпалил. Когда пламя разгорелось, в лесном шалаше стало светло и уютно. Кони пофыркивали рядом. После ужина хорошо было сидеть, глядя на огонь и неторопливо переговариваясь. А то и вовсе молча. Они так и сидели. Довольно долго.

– Дар, – нарушил тишину Кенир, – ты сказал, что, когда вёл того мага через лес, тебе было шестнадцать. Во сколько же лет ты вступил в гильдию?

– В пятнадцать, – ответил Дар и, помолчав, добавил: – Вместо отца.

– А... он?

– Он пропал. Здесь, в Северном лесу. По-моему, я говорил тебе. Угодил в ловушку. Он шёл выручить одного из наших спутников. Это можно сделать. Иногда. Если знать как. Я только видел, как он ушёл... Рвался за ним, но меня додумались не пустить.

Дар говорил, не поднимая глаз, но совершенно спокойно. Именно это спокойствие поразило Кенира больше всего. А ещё мысль о том, что они, кажется, поменялись местами.

Последнее время проводник не задавал дурацких вопросов, зато Кениру вдруг приспичило. С чего бы это?

Дар посмотрел на него и улыбнулся.

– Можно, теперь я тебя спрошу?

– О чём?

– Зачем ты всё-таки идёшь на Змеев Хребет?

М-да, поспешил он с выводами насчёт дурацких вопросов.

Или может, спросить у него про Храм? Ну да – и объяснять, зачем он Кениру понадобился!

– Тебя это не касается, Дар! – он рывком поднялся и направился в темноту леса.

– Кенир! – проводник привстал с места. – Постой! Не обижайся, дронга ты пустынная!

– Я не обижаюсь, – ровным голосом ответил Кенир. – Пойду, ещё дров на ночь принесу.

– Далеко не уходи, – сказал Дар ему вслед, поправил котелок над огнём и усмехнулся.

«Тебя это не касается, Дар!» Хорошо уже, что «Дар», а не «проводник».

Кенир ломал сухие ветви и думал, что его спутник донельзя странный. Если не сказать – наивный. Сам – душа нараспашку и от других, видно, того же ждёт. Ох, нарвёшься ты когда-нибудь, Дар! Хлестнёт тебя кто-нибудь наотмашь, да так, что не опамятуешься!

Ветка не ломалась. Чтобы перехватить её поудобнее, Кенир нырнул под тяжёлую еловую лапу и остолбенел. Картина его взору открылась поистине сказочная!

Луна смотрела вниз сквозь вершины деревьев, и её струящийся свет, загадочным образом преломляясь, серебристым лучом падал на узкую тропинку. Она петляла меж стволов – тонкая, невесомая рядом с лесными великанами, – и сама казалась сотканной из лунного света.

Несколько мгновений Кенир зачарованно смотрел. Потом аккуратно сложил собранные дрова и шагнул вперёд. Ему хотелось окунуться в это волшебное серебро, прикоснуться к нему руками. Хотя о чём он? Разве можно прикоснуться к сказке? Нельзя! А вот к веткам, с которых, того и гляди, посыплется сверкающий дождь, – к ним прикоснуться можно. И пройти по тропинке, залитой чудесным сиянием, – тоже можно...

– Кенир! – послышалось где-то далеко сзади. Кенир поморщился. Нашёл же время!

– Кенир! – голос настойчиво проникал в лунную сказку, мешая наслаждаться ею.

– Ну чего? – недовольно отозвался Кенир. Глядишь, Дар успокоится и его оставит в покое.

Но проводник не собирался успокаиваться. Совсем наоборот. Встревоженный долгим отсутствием спутника, Дар окликнул его пару раз и, не получив ответа, отправился искать. Неподалёку от их лагеря он наткнулся на сложенную охапку веток. Кенира поблизости не было. Дар позвал громче. Когда наконец Кенир ответил, его голос звучал где-то очень далеко.

– Ты где? – крикнул Дар, начиная злиться. Говорил же далеко не уходить! Куда его нелёгкая понесла?

– Здесь! – раздражённо откликнулся Кенир. – Сейчас вернусь! Только посмотрю, куда эта тропка ведёт.

Тёмные Силы, какая ещё тропка? Он отвёл в сторону еловую лапу и увидел...

– Нет!!! – не своим голосом заорал Дар, так что Кенир даже остановился. – Не смей! Слышишь меня, не смей! Стой на месте! Стой, где стоишь!

– Ладно, ладно, стою, – пробормотал сбитый с толку Кенир, озираясь по сторонам. Что могло случиться такого ужасного?

Дар смотрел на лунную тропинку и чувствовал, как бешено колотится в груди сердце.

Он много раз задавался вопросом, было ли страшно отцу, когда тот отправился вызволять из ловушки не в меру любопытного купеческого работника. Теперь Дар знал ответ. Теперь он знал много больше. Этот страх не имел ничего общего с тем обычным страхом, который случается испытать каждому. Там, в серебристой красоте, таится могущественная сила, и она – нет, даже не убивает, она *забирает*. Куда-то. В никуда. И человека нет. Ни живого, ни мёртвого,

никакого. Его просто нет. Человек слишком слаб, чтобы справиться с этой силой. Его отец не справился... не успел... И не сказано, что Дар успеет...

Он не должен бояться, не имеет права! Иначе ничего не получится.

Дар глубоко вздохнул и шагнул в сверкающую сказку. Только бы Кенир послушал!

– Кенир, отзовись! Не молчи, слышишь!

– Я здесь, – повысил голос Кенир. – Я стою. В чём дело, Дар?

– Я тоже здесь, – раздалось совсем близко. – Всё хорошо.

Кенир ошарашено завертелся, глядя по сторонам. Судя по всему, проводник должен стоять в паре шагов от него, но рядом никого не было.

– Дар, – дрогнувшим голосом позвал он. – Где ты? Я не вижу тебя!

– Это нормально, Кенир. Это ничего. Я тебя тоже не вижу. Просто иди на мой голос.

И сам не молчи.

Вот так «нормально»! Под спокойной уверенностью, с которой были произнесены эти слова, застыло такое напряжение, что у Кенира мурашки по спине побежали.

– Ты тоже не молчи, – попросил он. – Я даже шагов твоих не слышу. Дар, что это такое? Что происходит?

– Потом. Когда выберемся. А сейчас иди сюда.

Голос вёл его обратно к ели, под которой остались дрова. Уводил прочь из серебристого волшебства, с которым так не хотелось расставаться...

– Красиво здесь, правда? – мечтательно вздохнул Кенир.

Красиво? Да, Тёмные Силы, он прав! Лунный свет струится, как тончайший шёлк, окутывает прозрачной дымкой, очаровывает... завораживает...

– Нет! – почти выкрикнул Дар. – Нельзя, не смотри на это!

– Почему? – недоумённо спросил Кенир. – Я никогда ничего подобного не видел! А куда ведёт эта тропинка? Почему-то она казалась мне короче...

– Не знаю я, куда она ведёт! И знать не хочу. И тебе не советую!

Куда бы она ни вела, там ничего нет! Ничего... совсем ничего... кроме необыкновенно прекрасного лунного серебра...

...и я хочу увидеть эту красоту! – подумал Кенир. Я хочу туда, хочу заглянуть в самое сердце, в сокровенную тайну этой сказки! Ведь второго такого случая не представится. Дважды в жизни *такого* не подарят!

Он остановился.

– Я всё-таки пойду, Дар. Сам подумай – ну когда ещё этакое чудо увидишь? Тебе разве не нравится? Разве не интересно, Дар? Что молчишь? Ладно, как знаешь, я один схожу.

Один?.. Куда ты пойдёшь один? Ты же не дойдёшь... и не вернёшься...

Не вернёшься!

– Кенир! Кенир, послушай меня, я тебе соврал! – скороговоркой выпалил Дар, чтобы невидимый спутник не успел привести намерение в действие. – Я соврал, я знаю, куда ведёт эта тропка. Давай вернёмся к костру, и я всё тебе расскажу, идёт?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.